

УДК 821.161.1+398.1+281.93+930.85

ББК 82+83.3(2)+86.372.81

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. В. Н. Матонин

г. Архангельск, Россия

© 2017 г. Н. Н. Бедина

г. Архангельск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О СОЛОВЕЦКОМ ВОССТАНИИ

Аннотация: Восьмилетняя осада и разорение Соловецкого монастыря (1668–1676) нашли отражение в цикле книжных и фольклорных старообрядческих текстов. Мифологически обусловленное осмысление острова как иномирия было «освоено» средневековой северорусской культурой в контексте идеи Преображения и наследовано старообрядческой традицией. В «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова реализована концепция Соловков как места предельного, исключительного, реализующего хронотоп первоначала. В полемическом «Описании лицевом осады и разорения монастыря Соловецкого» это уже территория обостренного диалога, граница с актуализированной бинарной идентификацией. В устной традиции исторических песен хронотоп Соловецкого монастыря маркирован знаками инобытийности, где оказываются нарушены законы миропорядка.

Ключевые слова: Соловецкий монастырь, Соловецкое сидение, старообрядческая традиция, идея инобытийности, хронотоп.

Информация об авторах:

Василий Николаевич Матонин — доктор культурологии, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Наб. Северной Двины, д. 17, 163000 г. Архангельск, Россия. E-mail: matoninv@yandex.ru

Наталья Николаевна Бедина — кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Наб. Северной Двины, д. 17, 163000 г. Архангельск, Россия. E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Дата поступления статьи: 15.12.2016

Дата публикации: 15.03.2017

Историческое повествование всегда является источником сведений как о собственно исторических событиях, так и о мировоззренческих установках повествователя (одновременно интерпретатора событий) и о той традиции, внутри которой рожден текст. Любая «история» — это всег-

да идеология и мифология. Различные трактовки исторических событий, пусть и противоречивые с точки зрения идеологии, в совокупности дополняют друг друга, представляя собой модификацию одной и той же идеи, рожденной мифологией хронотопа. По отношению к Соловкам — это идея инобытийности.

Местоположение Соловецких островов в горле Онежского залива Белого моря с точки зрения геологии, природных и географических ареалов имеет ярко выраженный пограничный характер. В священной географии «остров» — это последний рубеж земного бытия. Соловецкая история разворачивается как вариации инобытийности: кладбище и святилище (IV–I тыс до н. э.) — монастырь (1429–1920) — лагерь (1923–1939). Мифологически обусловленное осмысление острова как иномирия было «освоено» средневековой северорусской культурой в контексте идеи Преображения и наследовано затем старообрядческой традицией.

Сопrotивление «ревнителей древнего благочестия» реформе патриарха Никона в середине XVII в. привело к тому, что братия Соловецкого «Дома Спаса и Николы» открыто выступила против воли царя Алексея Михайловича. Соловецкое восстание («сидение») 1668–1676 гг. в противостоянии соборным решениям, Святейшему Патриарху и Великому Государю объединило соловецких монахов, монастырских крестьян и примкнувших к ним казаков Степана Разина. В результате восьмилетней осады Соловецкого монастыря и разногласий среди осажденных приверженцев «старой веры» крепость была взята, а ее защитники преданы мучениям и убиты. Описание этих трагических событий нашло выражение в цикле книжных и фольклорных текстов [10].

В круг исследуемых нами источников вошли:

– «История об отцах и страдальцах соловецких», созданная Семеном Денисовым (одним из основателей Выговского старообрядческого общежительства) в 20-е гг. XVIII столетия по документам и устным воспоминаниям еще свидетелей событий;

– «Описание лицевое осады и разорения монастыря Соловецкого», имевшее активное хождение в среде старообрядцев во второй половине XVII–XIX вв.;

– устные старообрядческие исторические песни, посвященные Соловецкому восстанию.

Текстом, составившим основу Соловецкого цикла в старообрядческой традиции, стала Повесть Семена Денисова — эпико-историческое сочинение, где Соловецкое «сидение» вписано в широкий исторический контекст. Авторская задача — дать «объективное» описание восстания и определить истоки русского старообрядчества — обуславливает и концепцию Соловков как места предельного, исключительного, реализующего хронотоп первоначала.

Семен Денисов последовательно подчеркивает исключительное значение Соловецкого монастыря. Буре, «трусу великому», поразившему всю Русскую Церковь (центр Мирового Православия) в результате «новостей» Никоновых, противостоят **только** Соловки: «Никто же обрѣтется противу стоящъ, никто же оныя новшества возражающъ, ни единъ от великих монастырей и градовъ мало постоя, страху царскаго указа вся колеблющу» [8].

Соловецкому монастырю «посредѣ российскихъ монастырей свѣтитися, яко лунѣ посредѣ звѣздъ» [8]. Соловецкие иноки известны по всему православному миру. Идейного вдохновителя восстания архимандрита Никанора Семен Денисов называет духовником самого царя, что документально не подтверждено иными источниками. Из Соловецких монахов вышли не только многие архиереи — прежде всего, свт. Филипп Митрополит (Колычев) и патриарх Никон, возросший в Анзерском скиту. В 1652 г. Никон перевез в Московский Успенский собор мощи святого Филиппа, что было воспринято монашеской братией с глубокой печалью и скорбями многими. Соединение в одном контексте образов Филиппа, в соловецкой книжной традиции русского Златоуста [1, с. 339], и Никона, у Семена Денисова — Каинова наследника, демонстрирует амбивалентность соловецкого хронотопа. Соловецкий монастырь единственный противостоит Никону, но вместе с тем он неразрывно с ним связан — соловецкие провидцы предсказывают и будущие потрясения, инициированные Никоном (видение Елеазара Анзерского), и его желание лишить Соловки святых мощей свт. Филиппа (предсказание пекаря Гурия). С судьбой Соловецкого монастыря соединяется и личная судьба царя Алексея Михайловича: его смерть не только предсказана бельцом Дмитрием на стене осажденного монастыря, но и последовала сразу после взятия и разорения обители, что однозначно прочитывается как наказание и, может быть, вразумление царя.

Той же исключительной амбивалентностью обладают символические образы, заполняющие соловецкий хронотоп: огонь — это казнь и орудие мучений, это возжигающийся гнев царя и огонь ярости мучителей, но это и маркер чуда (зной пекарни Гурия, огненный столб в момент смерти отшельника о. Павла), и средство спасения, и очищения (особенно в последней части Повести, где Семен Денисов повествует о духовных последствиях разорения Соловецкого монастыря и жертвенных подвигах приверженцев старой веры). Семантику казни и одновременно чуда и спасения несут также образы льда и студеной воды, бури и ветра, мора и «вскипания червей», и, наконец, плодоносного сада и цветов: «...блаженная страдалецъ тѣлеса, яже на губе морстѣй лежащая, яже на столпѣхъ различно висящая, яже на земли острова казненно поверженная, <...> тако лежаху, яко цвѣтъ на поляхъ, яко кринь во удовѣхъ, тако цвѣтяху и благоукрашахуся» [8]. Образ процветшего райского сада и небесного Иерусалима (куда зовет с собой юродивый Иоанн накануне восстания) составляют риторическое обрамление, в которое вписано основное повествование, и маркируют хронотоп инобытийности.

«Описание лицевое осады и разорения монастыря Соловецкого» [5] в качестве одного из источников использует Повесть Семена Денисова, но поскольку Описание имеет ярко выраженную полемическую направленность, значительную часть текста составляют прения соловецких иноков с архимандритом Сергием, присланным из Москвы для вразумления непокорных, то весь образно-поэтический строй основывается на жестких оппозициях: «озябшее сердце» иноков — геенна огненная и огонь вечный; архимандрит Никанор, ревнитель слов Божественных, — остроглаголивый и льстивый архимандрит Сергей; гнев Сергия, царя Алексея Михайловича

и воевод-мучителей — радость и слезы монахов и пр. Соловки в Лицевом описании — это уже территория обостренного диалога. Хронотоп границы реализуется здесь в потребности четкой самоидентификации через противопоставление чужому.

Из устных текстов, посвященных Соловецкому сидению, перед нами были три исторические песни:

– текст из рукописного сборника конца XVIII в. из собрания Тагильского скита [9],

– рукопись Устины Крюковой — листок, найденный А. В. Марковым в Нижней Золотице у племянницы Устины Крюковой, датированный 10-ми гг. XIX в. [3],

– историческая песня, записанная А. В. Марковым от Аграфены Матвеевны Крюковой, — наиболее развернутый, полный текст [2].

Устная эпическая традиция, так же как Повесть Семена Денисова, историческим фоном событий 1668–1676 гг. выбирает эпоху Ивана IV Грозного, что обусловлено прежде всего законами развития жанра исторической песни, но определенным образом и идеологией старообрядческой культуры. Сюжет выбора палача «воспалившимся» грозным царем составляет традиционную основу текста, отсылающую к песням об Иване Грозном:

Да Господь Бог прогневался, государь-царь воспалился.
Выбирал-то наш государь-царь боярина большого,
Из большия из породы, из породы Салтыковы,
Монастырь разорити, старую веру порудити,
Старые книги изодрати,
Старые книги изодрати, во сине море потопити,
Изосима и Саватия соловецких чудотворцов монастырь разорити
И всех старцов прирубити [9].

Разворачивая сюжет нарушения героем законов миропорядка, песня использует известные книжным памятникам мотивы гнева-огня и пробитого (сбитого) ядром чудного образа Богородицы. Однако интересно, что столь же устойчивым здесь является мотив «изодранных» книг, либо преданных огню, либо потопленных в море, отсутствующий у Семена Денисова. Являясь традиционным элементом смеховой фольклорной традиции как черта «вывороченного», «кромешного» антимира, здесь мотив «старые книги изодрати» начинает выполнять также функцию маркера инобытийности, как и «погода (ветер) с полуденной страны», принесшая воеводу к Соловецким островам.

Есть вероятность, что мотив «изодранных» книг стал отзвуком слухов и рассказов, «будораживших население в окрестностях Соловков» [7, с. 545] в начале осады монастыря. Ранняя запись подобных слухов, основанных вместе с тем на реальных событиях, сохранилась в так называемом «Сочинении современника о начале Соловецкого восстания» 1668–1669 гг., изданном Е. К. Ромодановской [7]. Эта запись осталась неизвестной Семену Денисову, поэтому в его Повести нет ни одного из описанных в «Сочинении современника» чудес, в том числе и «извержения» новых книг: когда в мо-

настырь были привезены «новые» исправленные книги, старцы заперли их в церкви Соловецких чудотворцев, но на утро их там не оказалось — нашли «поверженные» книги «с великим трудом» «близ воды», т. е. на берегу моря.

В варианте, записанном от Аграфены Крюковой, есть еще несколько деталей, не находящих соответствия в книжных памятниках о восстании, что также может быть объяснено не только особенностями поэтики исторической песни как жанра, но и опорой на устные рассказы и слухи. Например, чудо с исцелением игумена:

Он зацзял тут воевода,
Стару веру-ту порушил взял,
Стары книги-ти Божьи изорвал все,
На огни-ти он прожигал их;
Всех манахов прирубили,
В сине море-то пометали
Над игуменом наругались:
Рецист язык у его отрежут, —
Церез ночь было тако цюдо:
Он ведь зделалсэ весь здравой;
Они взяли его убили —
Как небесно царство купили [2].

В «Сочинении современника» есть свидетельство о казни некоего попа, которому был вырезан язык, но который продолжал обличать нововведения и защищать старую веру. Мотив урезания языка игумену монастыря и его чудесного исцеления мог появиться в устной традиции и под влиянием автобиографического жития старца Епифания, постриженника Соловецкого монастыря, союзника протопопа Аввакума. «Житие инока Епифания», где дважды рассказывается о чуде нового появления языка, не содержит непосредственного описания Соловецкого восстания, но этот текст, безусловно, входит в корпус сочинений, имевших широкое распространение в старообрядческой среде [6, с. 128, 130]. Так или иначе, каковы бы ни были источники песенной традиции, хронотоп Соловецкого монастыря и здесь маркирован знаками инобытийности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Косицкая А. Е. Первоначальная редакция службы на память митрополита Филиппа (Колычева) // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря / отв. ред. О. В. Панченко. СПб.: Наука, 2010. С. 337–360.
- 2 Осада Соловецкого монастыря // Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 154–157.
- 3 Осада Соловецкого монастыря // Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 404–405.

- 4 Память и вера (о Соловецком восстании). Публикация В. Матонина // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Тов-во северного мореходства, 2005. С. 140–145.
- 5 Повесть о Соловецком восстании. М.: Книга, 1982. 108 с.
- 6 *Поньрко Н. В.* Три жития — три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. 296 с.
- 7 *Ромодановская Е. К.* Сочинение современника о начале Соловецкого восстания // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 1: Е. К. Ромодановская. Избранное. Отклики. С. 544–548.
- 8 *Семен Денисов.* История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / изд. подг. Н. В. Поньрко и Е. М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 35–102.
- 9 Соловецкое восстание // Исторические песни XVII века. М.; Л.: Наука, 1966. С. 128.
- 10 *Юхименко Е. М.* Старообрядческая история Соловков // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря / отв. ред. О. В. Панченко. СПб.: Наука, 2010. С. 289–313.

© 2017. Vasilij N. Matonin
Arkhangelsk, Russia

© 2017. Natalia N. Bedina
Arkhangelsk, Russia

THE CHRONOTOPE FEATURES OF THE OLD BELIEVERS' TEXTS ABOUT THE SOLOVSKI UPRISING

Abstract: The eight-year siege and the destruction of the Solovetsky Monastery (1668–1676) was reflected in the cycle of old believer writings and folk texts. Mythologically Island was thought to be an other-worldly. It was conceived in the medieval Russian culture in the context of the Transfiguration and inherited in the old believer tradition. The concept of Solovki as a boundary, outstanding place, where the chronotope of arche was implemented, is delivered in “The history of Solovetsky fathers and sufferers” of Simeon Denisov. In a polemical “The decorated description of the siege and the devastation of the Solovetsky Monastery” Solovki is a territory of the tense dialogue, the border with updated binary identification. In the folk historical songs the Solovetsky chronotope is marked by signs of otherness where the world order is disrupted.

Keywords: Solovetsky Monastery, Solovetsky uprising, old believer tradition, idea of otherness, chronotope.

Information about authors:

Vasilij N. Matonin, DSc in Culturology, Associate Professor, Northern Arctic Federal University, Northern Dvina Embankment, 17, 163000

Arkhangelsk, Russia. E-mail: matoninv@yandex.ru
Natalia N. Bedina, PhD in Philology, Associate Professor, Northern
Arctic Federal University, Northern Dvina Embankment, 17, 163000
Arkhangelsk, Russia. E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Received: December 15, 2016

Date of publication: March 15, 2017

REFERENCES

- 1 Kositskaia A. E. Pervonachal'naia redaktsiia sluzhby na pamiat' mitropolita Filippa (Kolycheva) [The initial version of the church service in memory of Metropolitan Philip (Kolychev)]. *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi: Knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyria* [Book centers in Ancient Rus': Book heritage of the Solovetsky monastery], ed. O. V. Panchenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 337–360. (In Russian)
- 2 Osada Solovetskogo monastyria [The siege of the Solovetsky Monastery]. *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi. Sobranie A. V. Markova, S. N. Azbelev, Iu. I. Marchenko* [White sea antiquities and spiritual poems. Collection Of V. A. Markov]; ed. T. G. Ivanova. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 154–157. (In Russian)
- 3 Osada Solovetskogo monastyria [The siege of the Solovetsky Monastery]. *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi. Sobranie A. V. Markova, S. N. Azbelev, Iu. I. Marchenko* [White sea antiquities and spiritual poems. Collection of V. A. Markova, S. N. Azbelev, Y. I. Marchenko]; ed. T. G. Ivanova. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 404–405. (In Russian)
- 4 Pamiat' i vera (o Solovetskom vosstanii) [Memory and Faith (on the Solovetsky uprising)]. Publikatsiia V. Matonina. *Solovetskoe more. Istoriko-literaturnyi al'manakh* [Solovki sea. The literary-historical almanac]. Arkhangel'sk, Moscow, Tov-vo severnogo morekhodstva Publ., 2005, pp. 140–145. (In Russian)
- 5 *Povest' o Solovetskom vosstanii* [The story of the Solovetsky uprising]. Moscow, Kniga Publ., 1982. 108 p. (In Russian)
- 6 Ponyrko N. V. *Tri zhitiia — tri zhizni. Protopop Avvakum, inok Epifanii, boiarynia Morozova: Teksty, stat'i, kommentarii* [Three legends — three lives. Archpriest Avvakum, the monk Epiphanius, Boyarynya Morozova: Texts, articles, comments]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2010. 296 p. (In Russian)
- 7 Romodanovskaia E. K. Sochinenie sovremennika o nachale Solovetskogo vosstaniia [The contemporary essay on the beginning of the Solovetsky uprising]. *Krugi vremeni: V pamiat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoi* [Times' circles: in the memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya]. Moscow, Indrik Publ., 2015, vol. 1: E. K. Romodanovskaia. Izbrannoe. Otkliki [E. K. Romodanovskaya. Favorites. Response], pp. 544–548. (In Russian)
- 8 Semen Denisov. *Istoriia ob otsakh i stradal'tsakh solovetskiikh: Litsevoi spisok iz sobraniia F. F. Mazurina, izd. podg. N. V. Ponyrko i E. M* [A story about Solovetsky fathers and sufferers: Face list from the collection of

- F. F. Mazurina]. Iukhimenko. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, pp. 35–102. (In Russian)
- 9 Solovetskoe vosstanie [The Solovetsky uprising]. *Istoricheskie pesni XVII veka* [Historical songs of the seventeenth century]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. P. 128. (In Russian)
- 10 Iukhimenko E. M. Staroobriadcheskaia istoriia Solovkov [The old believer history of Solovki]. *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyria* [Book centers of Ancient Russia: Book heritage of the Solovetsky monastery], ed. O. V. Panchenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 289–313. (In Russian)